

Ссылка для цитирования этой статьи:

Севостьянова А.Г. Эволюция института высшей меры социальной защиты в зарубежной практике: КНР и Республика Беларусь // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 6. С. 34. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_6/Sevostyanova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-6a-34.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ: КНР И РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Севостьянова Анна Геннадьевна

старший преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационных технологий управления, Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование посвящено компаративистскому анализу правовых моделей реализации исключительной меры наказания в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь. Центральное внимание уделяется законодательной регламентации и процессуальным аспектам применения смертной казни за особо опасные криминальные деяния. Выявляются характерные черты и противоречия в функционировании данного института в указанных юрисдикциях. Эмпирическую базу составили нормативно-правовые акты, доктринальные источники по уголовной политике и данные о правоприменительной практике. Злободневность темы продиктована глобальной динамикой в сфере уголовной юстиции: растущее число государств не только законодательно отменяет смертную казнь, но и переосмысливает ее социально-этическую легитимность. Это актуализирует дискурс о корректности, обоснованности и эффективности ультимативной санкции. Экскурс в историю демонстрирует, что лишение жизни как форма воздаяния – архаичный правовой инструмент, предшествовавший кодификации современного уголовного права. Его многогранность (правовая, морально-этическая, религиозная, социопсихологическая) обуславливает перманентную научную полемику.

Ключевые понятия: экзекуция, предельная санкция, правовая детерминанта, судебная система, имплементация приговора, мораторий на исполнение, компетенция суда, вердикт, государственный суверенитет, депенализация.

Легитимность применения исключительной карательной меры остается предметом острейших дискуссий в международном праве и политике. Несмотря на отсутствие консенсуса в экспертном сообществе и обществе в целом, отдельные национальные правовые порядки сохраняют данный институт. Контраст между числом стран, практикующих экзекуции, и государствами, их отвергающими, весьма значителен. Данный анализ концентрируется на специфике двух сохраняющих смертную казнь юрисдикций.

КНР занимает лидирующую позицию в мире по частоте применения высшей меры. Эта практика глубоко укоренена в историко-культурном контексте. Зарождение института датируется IV в. до н.э., а суровые карательные практики долгое время были системообразующим элементом правовой культуры (напр., законы о коллективной ответственности рода, отмененные лишь в 1905 г. [1, с. 15]). Современное регулирование (УК КНР, ст. 49 [2]) устанавливает императивные ограничения:

- неприменимость к субъектам моложе 18 лет и старше 75 лет на момент инкриминируемого деяния.
- беременные женщины имеют право на отсрочку исполнения вердикта за преступления небольшой/средней тяжести. При осуждении за особо тяжкие преступления суд вправе обязать к прерыванию беременности до приведения приговора в действие [2, с. 7].

Стоит отметить неприменимость смертной казни в автономных регионах Гонконг и Макао согласно доктрине "Одна страна – две системы".

Исторически доминирующим способом исполнения являлся расстрел. Современная тенденция – переход к летальной инъекции как методу, сочетающему гуманность и экономическую эффективность (последовательное введение анестетика и цианистого калия). Показательно, что при расстреле родственники обязаны компенсировать стоимость боеприпаса [3, с. 221]. Публичность исполнения запрещена с 1986 г.

Реформа 2011 г. сократила перечень караемых смертью преступлений с 68 до 55 статей УК. Санкция сохранена за деяния против основ государственности и исключительной тяжести. Статистика исполнения приговоров засекречена. Наиболее строго карается наркоторговля – вплоть до экзекуции иностранных граждан (напр., казнь гражданина ЕС в 2009 г. [4, с. 9]).

Тенденция к гуманизации проявляется в обязательном 2-летнем моратории на исполнение (с 2011 г.), после которого возможна замена наказания длительным тюремным сроком. Широкое внедрение инъекций и использование мобильных комплексов ("фургоны смерти") также отражают поиск более технологичных решений.

Республика Беларусь унаследовала институт смертной казни от советской правовой системы. После обретения независимости он был сохранен. Референдум 1996 г. продемонстрировал поддержку населением высшей меры (80.44% голосов против отмены [5]). Введение в 1997 г. альтернатив в виде длительных сроков лишения свободы (до 25 лет и пожизненно) не исключило вынесения смертных приговоров.

Ключевые ограничители применения (УИК РБ, ст. 176 [6, с. 12]):

- неприменимость к несовершеннолетним, женщинам и мужчинам старше 65 лет на дату вынесения приговора.

- невозможность исполнения при установлении у осужденного психического расстройства, исключающего вменяемость.

УК РБ предусматривает смертную казнь за особо тяжкие преступления против жизни, общественной безопасности и государственного строя, однако ее назначение факультативно. Типичные основания – умышленные убийства двух и более лиц либо сопряженные с исключительной жестокостью.

За период суверенитета в Беларуси приведены в исполнение приговоры в отношении нескольких сотен лиц (максимум – 47 в год в 1990-е). С 2000-х гг. наблюдается устойчивое снижение числа казней (0-5 ежегодно), что свидетельствует об определенной либерализации. Апелляция в Верховный Суд РБ (в 10-дневный срок) редко приводит к отмене приговора, однако конструктивное сотрудничество с органами следствия может служить основанием для смягчения наказания.

Социокультурные детерминанты восприятия смертной казни формируются в сложном взаимодействии исторических, религиозных, политико-правовых и психологических факторов. Поливариантность общественных установок затрудняет выявление универсальных механизмов их формирования как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Глобальный вектор развития уголовной политики указывает на последовательное сокращение применения высшей меры. Тем не менее, движение за ее полную и повсеместную отмену пока не достигло статуса универсальной нормы международного права.

Список литературы

1. История Китая / Под ред. Меликсетова А.В. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 736 с.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства КНР в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/> (дата обращения: 15.12.2024).

3. Рожкова Е.К. Смертная казнь в Китае: история и современность // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011.
4. Он стал первым европейцем, казненным в Китае за последние 50 лет [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/12/29/execute/> (дата обращения: 05.12.2024).
5. Референдум 24 ноября 1996 года [Электронный ресурс] // Архив Интернета (Wayback Machine). URL: <https://web.archive.org/> (дата обращения: 05.12.2024).
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 05.12.2024).

DEATH PENALTY IN FOREIGN LEGAL SYSTEMS: A COMPARATIVE STUDY OF CHINA AND BELARUS REPUBLIC

Sevostyanova Anna Gennadyevna

Senior Lecturer, Department of Humanities, Socioeconomic, and
Information Management Technologies,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Samara, Russian Federation

Abstract. This study provides a comparative analysis of legal models for the implementation of capital punishment in the People's Republic of China and the Republic of Belarus. The focus is on the legislative regulation and procedural aspects of the application of the death penalty for particularly dangerous criminal offenses. The study identifies characteristic features and contradictions in the functioning of this institution in these jurisdictions. The empirical base consists of regulatory legal acts, doctrinal sources on criminal policy, and data on law enforcement practice. The relevance of this topic is dictated by global dynamics in the criminal justice system: a growing number of states are not only abolishing the death penalty by law but are also rethinking its socio-ethical legitimacy. This renews the debate on the correctness, validity, and effectiveness of the ultimate sanction. A historical review reveals that the use of capital punishment as a form of retribution is an archaic legal instrument that predates the codification of modern criminal law. Its multifaceted nature (legal, moral, ethical, religious, and sociopsychological) fuels ongoing scholarly debate.

Key concepts: execution, ultimate sanction, legal determinant, judicial system, sentence implementation, moratorium on execution, court jurisdiction, verdict, state sovereignty, depenalization.

References

1. History of China / Ed. by A.V. Meliksetov. 2nd ed., corrected and augmented. Moscow, 2002. 736 p.
2. Criminal Code of the People's Republic of China [Electronic resource] // Official website of the PRC Embassy in Russia. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/> (date of access: 12/15/2024).
3. E.K. Rozhkova. The Death Penalty in China: History and Modernity // Legality and Law and Order in Modern Society. 2011.
4. He became the first European executed in China in the last 50 years [Electronic resource] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/12/29/execute/> (date of access: 12/05/2024).

-
5. Referendum of November 24, 1996 [Electronic resource] // Internet Archive (Wayback Machine). URL: <https://web.archive.org/> (date accessed: 05.12.2024).
 6. Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999 No. 275-Z [Electronic resource] // National Legal Portal of the Republic of Belarus. URL: <http://www.pravo.by> (date accessed: 05.12.2024).